

ЧЕТЫРЕ БАСНИ

И. КРЫЛОВА.

СЪ НЕИЗДАННЫМИ РИСУНКАМИ

А. ОРЛОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Кружокъ Любителей Русскихъ Изыщныхъ Изданій

1907.

ЧЕТЫРЕ БАСНИ И. КРЫЛОВА.

Настоящее изданіе отпечатано въ количествѣ 500
нумерованныхъ экземпляровъ, при чемъ №№ 1—27,
съ отдѣльною снитою всѣхъ рисунковъ на японской
бумагѣ, для Членовъ Кружка.

№ 271

Всѣ рисунки воспроизведены съ оригиналовъ А. Орлов-
скаго изъ коллекціи Е. Г. Шварца.

ЧЕТЫРЕ БАСНИ

И. КРЫЛОВА

СЪ НЕИЗДАННЫМИ РИСУНКАМИ

А. ОРЛОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Кружокъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій

1907.

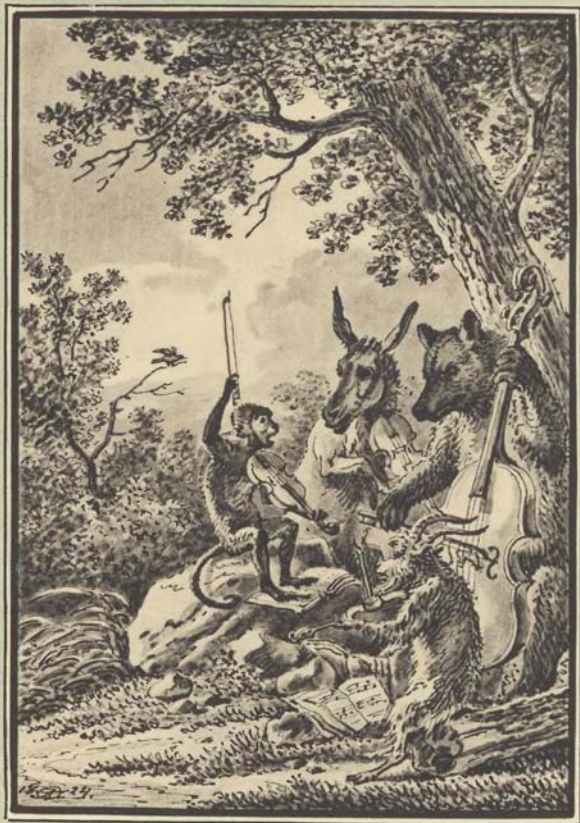
КОНЬ и ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.
— «Такихъ коней и взнуздывать напрасно»,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
«Ну, право, вздумалъ я прекрасно!»
И, въ поле выѣхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выстуткой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша Сѣдока.
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивый:
Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ Всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Черезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,

Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.
Тутъ въ горести Сѣдокъ,
«Мой бѣдный конь!» сказалъ: «я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы я не снялъ съ тебя узды—
Управилъ бы, навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью-бъ самъ столь жалкой не погибъ!»

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

КВАРТЕТЬ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ

Да косолапый Мишка

Затѣяли сыграть Квартетъ.

Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки

И сѣли на лужокъ подь липки

Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.

Ударили въ смычки—деруть, а толку нѣтъ.

«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка, «погодите!

Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,

Я, прима, сяду противъ вторы;

Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:

У насъ запляшутъ дѣсь и горы!»

Разсѣлись, начали Квартетъ;

Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.

«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,

Кричитъ Оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ».

Послушались Оsla: усѣлись чинно въ рядъ;

А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.

Вотъ, нуще прежняго, пошли у нихъ разборы

И споры,

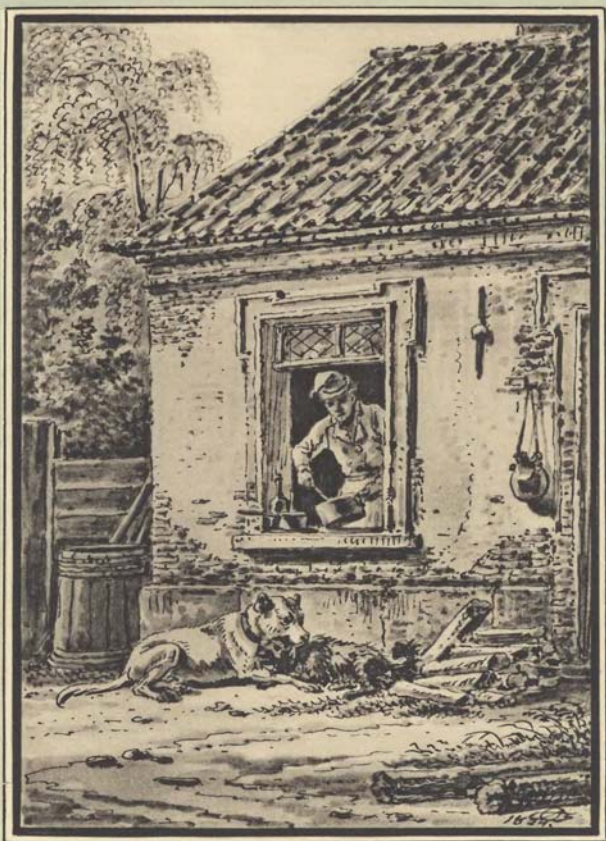
Кому и какъ сидѣть.

Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.

Тутъ съ просьбой всё къ нему, чтобъ ихъ рѣшить
сомнѣнны;
«Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнны,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привести:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнны
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ соловей,
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись,
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе-бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые-жъ псы, притомъ,
Ни на кого не лають днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можеть», говорить Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;

Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружно шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучшить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружномъ счастьѣ все свое блаженство ставить!

Вотъ если-бъ, на примѣръ, съ тобой у насъ

Такая дружба завелась!

Скажу я смѣло,

Мы-бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».

—«А что же? это дѣло!»

Барбось отвѣтствуетъ ему:

«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки;

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни тѣсно намъ!

Притомъ же, право, стыдно:

Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,

Почти совсѣмъ не видно».

—«Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена!»

Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»—«Вотъ она!»

И новые друзья ну обниматься,

Ну цѣловаться,

Не зная съ радости къ кому и приравняться:

«Орестъ мой!»—«Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть,
злость!»

Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.

Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:

Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,

Лишь только клочья вверхъ летятъ:

Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.

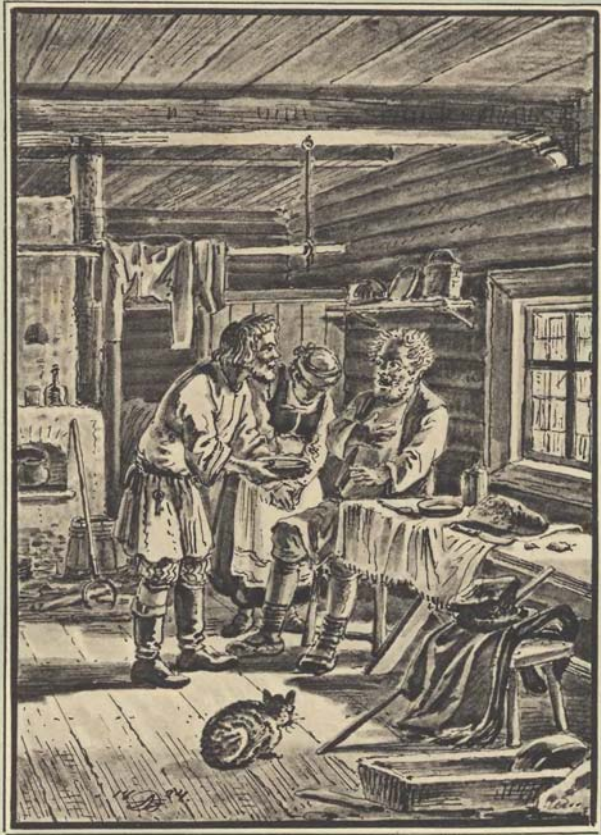
Про нынѣшнихъ друзей лъзя молвить, не грѣша,

Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:

Послушать, кажется, одна у нихъ душа;

А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Цѣна 2 руб.